

ДИМИНУТИВ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЗАЦИИ

Негматова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Давронова Шахноза Мехриддиновна

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. В данной статье исследуется функциональный потенциал диминутива как инструмента психологизации художественного текста. Анализирует, каким образом уменьшительно-ласкательные формы выходят за рамки чисто грамматической категории и становятся маркерами эмоционального состояния персонажа, средствами суггестии и способами моделирования субъективной реальности. Рассматривается амбивалентная природа диминутива, способного транслировать как искреннюю нежность, так и скрытую агрессию, инфантилизм или моральную деградацию. Через призму лингвопсихологического подхода и интерпретацию классических текстов доказывается, что диминутив служит «оптикой», через которую читатель воспринимает деформацию или специфику внутреннего мира героя.

Ключевые слова: диминутив, психологизация, художественный дискурс, языковая картина мира, эмоциональная экспрессия, подтекст, лингвистическая поэтика.

Abstract. This article explores the functional potential of the diminutive as a tool for psychologization in literary texts. The author analyzes how diminutive forms transcend the boundaries of a purely grammatical category and become markers of a character's emotional state, means of suggestion, and ways of modeling subjective reality. The ambivalent nature of the diminutive is examined, capable of conveying both sincere tenderness and hidden aggression, intolerance, or moral degradation. Through the prism of a linguopsychological approach and the interpretation of classical texts, it is proved that the diminutive serves as "optics" through which the reader perceives the deformation or specificity of the character's inner world.

Keywords: diminutive, psychologization, literary discourse, linguistic picture of the world, emotional expression, subtext, linguistic poetics.

Феномен психологизации в литературе традиционно связывается с макроструктурами текста: внутренними монологами, сложными метафорическими рядами или детальным описанием рефлексии. Однако наиболее тонкие и, зачастую, неосознанные движения человеческой души фиксируются на микроуровне языка — в выборе конкретных морфем. Диминутив (уменьшительно-ласкательная форма) в этом контексте перестает быть просто средством указания на малый размер предмета. Он превращается в сложный психологический код, транслирующий отношение субъекта к окружающему миру и самому себе. Психологизация через диминутив строится на

фундаментальной человеческой потребности в эмоциональном освоении и «одомашнивании» пространства. С точки зрения когнитивной лингвистики, уменьшение объекта в языке часто коррелирует с попыткой субъекта сделать этот объект безопасным, подконтрольным или, напротив, выразить свое снисходительное превосходство. В художественном тексте избыточное употребление диминутивов часто служит симптомом глубоких внутренних процессов: это может быть и старческое умиление, и маскировка хищной природы, и попытка героя спрятаться от суровой, масштабной реальности в иллюзорном, «игрушечном» мире, где всё кажется маленьким и не представляющим угрозы. Рассмотрим, каким образом через уменьшительные формы преломляется восприятие действительности в классической прозе. Персонаж, постоянно использующий в речи такие слова, как «рюмочка», «денежки», «делишки» или «минутка», не просто демонстрирует принадлежность к определенному социальному слою или мещанскому быту. Он обнаруживает специфическую «измельчающую» оптику бытия. Психологизм здесь заключается в резком контрасте между объективным масштабом событий и их субъективной, уменьшительной номинацией в сознании персонажа. Это создает эффект психологического отчуждения. Как отмечали исследователи формальной школы, подобное использование языка работает на «остранение», но в данном случае оно направлено не на сам объект, а на раскрытие внутреннего «дефекта» или специфики субъекта речи.

Особое место диминутив занимает в поэтике Ф.М. Достоевского. Литературные критики и лингвисты неоднократно указывали на специфический, «липкий» и тревожный характер его уменьшительных форм. Уменьшительные суффиксы в устах «подпольных» людей или таких персонажей, как Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании», выполняют функцию скрытого психологического давления. Это не ласка в её привычном понимании, а способ сузить жизненное пространство собеседника, опутать его сетью «уменьшительных» смыслов, создавая атмосферу удушья и ложной, пугающей близости. В художественном пересказе сцен допроса Раскольников мы видим, как следователь, используя слова вроде «статейка», «признаньице», «фактик», лишает героя его трагического величия, превращая его идеологический бунт в нечто мелкое и ничтожное. Здесь проявляется инверсия функции: суффикс, изначально предназначенный для выражения любви и тепла, становится изощренным орудием ментальной пытки и деконструкции личности¹.

Диминутив может выступать как средство репрезентации психологической травмы или инфантилизма. Когда взрослый человек в кризисной ситуации начинает использовать лексику, характерную для детской речи, это сигнализирует о регрессии психики. Герой словно пытается «сжаться» до размеров суффикса, чтобы стать невидимым для большой беды. В этом смысле диминутив выполняет защитную функцию, создавая вокруг персонажа своеобразный лингвистический кокон. Мы можем проследить это в описаниях героев, которые, сталкиваясь с социальной несправедливостью, начинают называть свои скудные пожитки «вещицами»,

¹ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 76.

«уголочками», «кроватьками», тем самым пытаюсь придать ценность и уют своему нищенскому существованию. Диминутив в художественной системе координат выступает не как декоративный элемент, а как медиатор между подсознанием героя и читательским восприятием. Он позволяет автору не называть эмоцию напрямую («он боялся», «он презирал»), а «показать» её через деформацию именованных. Это является высшей формой художественного психологизма, когда грамматика становится психологией.

Диминутив конструирует состояние предельной экзистенциальной хрупкости и становится маркером этического распада личности. В произведениях, где центральной темой является судьба «маленького человека», язык неизменно подстраивается под масштаб его самовосприятия, предлагая формы, подчеркивающие беззащитность и изоляцию. Наиболее ярко эта коллизия прослеживается в творчестве Н. В. Гоголя. Вспомним трагическую динамику персонажа, который пытается обрести подобие человеческого достоинства через обретение материального объекта. В художественном пересказе этой психологической драмы мы видим, как новая шинель перестает быть просто предметом гардероба. Она превращается в «подругу жизни», в «приятную спутницу», а её элементы — воротничок, мех, пуговицы — наделяются суффиксами почти сакральной нежности. Психологизм здесь достигает своего пика в момент утраты: вместе с потерей «вещицы» разрушается и хрупкое, выстроенное на уменьшительных формах «я» героя. Диминутив здесь выступает как маркер предельного экзистенциального одиночества, когда человеку в огромном, холодном мире больше некого и нечего любить, кроме неодушевленного предмета, наделенного ласковым именем.

Совершенно иной тип психологизации встречается в ситуациях намеренного, деструктивного инфантилизма. М. Бахтин, рассуждая о карнавальной культуре и амбивалентности слова, указывал на то, что фамильярный контакт может быть как возрождающим, так и уничтожающим. В контексте психологического анализа избыточный диминутив часто выступает как «язык-укрытие». Если персонаж описывает свои низменные поступки или даже преступление, используя уменьшительные формы, это свидетельствует о глубочайшем психологическом вытеснении. Называя орудие убийства «инструментиком» или «штучкой», а жертву — «старушонкой» или «вошкой», субъект пытается дегуманизировать реальность, лишить её трагического веса и тем самым снять с себя моральную ответственность. Это попытка вернуться в состояние ребенка, для которого мир состоит из «игрушек», а значит, за действия в нем не полагается взрослой кары².

Психолингвистический аспект диминутива также находит отражение в изображении скрытой агрессии или «сладострастия». Литературные критики, анализируя стилистику В. Набокова, часто отмечали эффект «мерцания» смысла. Через уменьшительность создается дистанция между изысканностью описания и аморальностью описываемого. Когда объект вождения или насилия описывается

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 156–158.

через «коленочки», «локотки» и «платица», возникает этическая пропасть, вызывающая у читателя чувство острого психологического дискомфорта. Диминутив здесь служит инструментом суггестии: он заставляет воспринимать ситуацию не логически, а чувственно, через вязкую, пугающую нежность, которая маскирует хищнический инстинкт.

Диминутив способен передавать состояние «застывшего времени» или социальной стагнации. В прозе И. Гончарова или А. Чехова уменьшительные формы часто сопровождают описание быта поместных или провинциальных жителей. «Чаяк», «садик», «халатик» — эти слова создают психологический портрет человека, чей горизонт событий сузился до границ собственного комфорта. Это психология «теплого гнезда», где любое изменение масштаба воспринимается как угроза. Морфема становится средством социальной и психологической типизации, указывая на стагнацию воли и угасание жизненной энергии. Диминутив в художественной системе координат — это не факультативный стилистический прием, а фундаментальный механизм психологизации текста. На основе проанализированного материала мы выделяем три ключевые функции диминутива:

- Диагностическая функция: суффиксы субъективной оценки служат индикаторами скрытых состояний психики (страх, инфантилизм, латентная агрессия), которые герой не готов вербализовать прямо.

- Суггестивная функция: через контраст между «ласковой» формой и «жестким» содержанием автор управляет эмоциональным состоянием читателя, вызывая чувство тревоги, безгливости или сострадания.

- Архитектоническая функция: диминутив участвует в моделировании пространства текста, определяя границы «я» персонажа и его способность (или неспособность) противостоять внешнему миру³. Изучение диминутивов открывает новые горизонты в антропологии текста, доказывая, что за грамматической формой всегда стоит живое человеческое сознание в его сложности, противоречивости и трагизме.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972. — 470 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — 360 с.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — 573 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.

³ Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 42–45.

5. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. С фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. — СПб.: А-сad, 1994. — 408 с.